

УДК 94 (470.630)

«УСПОКОЕНИЕ ПЕСКОВ»: БОРЬБА С ОПУСТЫНИВАНИЕМ НА ЗЕМЛЯХ КОЧЕВЫХ НОГАЙЦЕВ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Айгуль Темерхановна Джумагулова

кандидат исторических наук

Пятигорский государственный университет,

Пятигорск, Российская Федерация

E-mail: aigul-men@mail.ru

А н н о т а ц и я

В данной публикации анализируются особенности российского имперского административного опыта борьбы с опустыниванием в Бажиганских и Бакылзанских песчаных массивах Ачикулакского приставства Ставропольской губернии в конце XIX–начале XX вв. Несмотря на солидную историографию по истории и деятельности лесного департамента как государственно-правового института Российской империи особенности борьбы с песками на землях кочевых и переходящих к оседлости ногайцев не становились еще предметом отдельных исследований, что обуславливает новизну данной статьи. Основной источниковой базой настоящего исследования выступили материалы, извлеченные из Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), в частности, материалы об укреплении песков и лесоразведении в Ачикулакском приставстве, впервые вводимые в научный оборот.

Особенности природно-географических условий Ачикулакских степей и нерациональное использования ногайцами аридных зон в качестве пастбищных земель для крупного и мелкого скота выступили основными факторами, вызвавшими стремительный рост песков в рассматриваемый период. Начало последовательной борьбы с песками в ногайских степях было положено правительством в конце XIX в., когда интенсивное распространение песков стало губительным для социально-экономического развития местного населения, в частности, под угрозой оказалась приставская ставка Ачикулак, а пески стали заносить дороги. В 1895–1898 гг. в семи верстах от ставки Ачикулак ставропольским лесничеством были заложены казенная шелуговая и осокоревая плантации. Деятельность лесничих осуществлялась за счет инородческого капитала туркменских кочевых обществ, проживавших по соседству с ачикулакскими ногайцами, сдерживавших таким образом процесс наступления песков на свои кочевья. Ногайцы долгое время были индифферентны к процессу борьбы с песками. Интенсивное распространение песков, угроза хозяйственно-экономической жизни и здоровью номадов и соседних с ними крестьян требовали государственного надзора, финансового и материального обеспечения

круглогодичной деятельности лесничих в степи. По итогам деятельности земельной комиссии, в которую входили ставропольский губернатор, главный пристав кочующих народов, землемеры разных ведомств, было принято решение о выведении из состава Ачикулакского приставства Бажиганских и Бакылзанских песчаных массивов и передачи их в государственный надзор и попечение. Политические события 1917 г. помешали санкционированию органами высшей правительственной власти нового размежевания земель. Изменения государственного устройства, провозглашение исключительной государственной социалистической собственности на землю и лес повлекли за собой изменение системы управления лесным хозяйством и формирование новой политики в борьбе с опустыниванием в советском государстве.

Ключевые слова

Ставропольская губерния, Ачикулакское приставство, Бажиганские пески, Бакылзанские пески, ногайцы, туркмены, конец XIX–начало XX в., опустынивание, лесной департамент.

UDC 94 (470.630)

«CALMING THE SANDS»: COMBATING DESERTIFICATION ON THE LANDS OF NOMADIC NOGAIS OF STAVROPOL PROVINCE IN THE LATE XIX–EARLY XX CENTURIES

Aigul T. Dzhumagulova

Candidate of Historical Sciences

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russian Federation

E-mail: aigul-men@mail.ru

Abstract

The publication analyzes the peculiarities of the Russian imperial administrative experience in combating desertification in the Bazhigan and Bakylzan sand massifs of the Achikulak bailiwick of Stavropol province in the late 19th — early 20th centuries. Despite the solid historiography on the history and activities of the Forest Department as a state-legal institute of the Russian Empire, the peculiarities of the fight against sand on the lands of nomadic and transitioning to sedentary Nogai people have not become the subject of separate studies, which determines the novelty of this work. The main source base of the study was the materials extracted from the State Archive of Stavropol Krai (GASK), in particular, the materials on the strengthening of sands and afforestation in Achikulak extension, first introduced into the scientific turnover.

Peculiarities of natural and geographical conditions of the Achikulak steppes and irrational use of arid zones by the Nogai people as pasture lands for large and small livestock were the main factors that caused the rapid growth of sands in the period under consideration. The beginning of the fight against sands in the Nogai steppes was laid by the government at the end of the XIX century, when the intensive spread of sands became disastrous for the local population, the bailiwick of Achikulak was threatened, and the sands began to cover the roads. In 1895–1898 in seven versts from the Achikulak bet Stavropol forestry plantation was established by the state forestry. The foresters' activity was carried out at the expense of foreign capital of Turkmen nomadic societies living in the neighborhood with Achikulak Nogai people, thus restraining the process of sand encroachment on their nomads. For a long time Nogai people were indifferent to the process of struggle against sands. Intensive spread of sands, threat to economic life and health of nomads and neighboring peasants required state supervision, strengthening and year-round activity of foresters in the steppe. As a result of the activity of the land commission, which included the Stavropol governor, chief bailiff of nomadic peoples, surveyors of different departments, it was decided to withdraw the Bazhigan and Bakylzan sand massifs from the Achikulak bailiff and transfer them to the state

supervision and care. The political events of 1917 prevented the highest government authorities from sanctioning the new delimitation of lands. Changes in the state structure, the proclamation of exclusive state socialist ownership of land and forests entailed a change in the forestry management system and the formation of a new policy in the fight against desertification in the Soviet state.

Key words

Stavropol Province, Achikulak Tributary, Bazhigan sands, Bakylzan sands, Nogais, Turkmens, late XIX–early XX century, desertification, Forest Department.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия во всем мире резко возросло внимание к вопросам, связанным с проявлением процессов опустынивания. Борьба с опустыниванием стала одной из самых серьезных проблем охраны окружающей среды и приобрела поистине глобальное значение. Наступление песков в аридных зонах Юга России имеет многоплановый характер и затрагивает различные отрасли народного хозяйства. Однако не все аспекты в исследовании данной проблематики в научной литературе получили полноту освещения, потому требуют дополнительного изучения. Автор надеется, что административный опыт борьбы с опустыниванием на землях кочевых ногайцев Ставропольской губернии в конце XIX–начале XX вв. будет полезен широкому кругу специалистов, работающих как в области изучения и освоения пустынных территорий, так и в анализе административного опыта имперской политики в отношении кочевых народов юга России, практических условий хозяйственной деятельности населения в аридной зоне и т.д. В настоящей работе сделана попытка обобщить опыт, накопленный администрацией Ставропольского губернского правления, а именно ставропольским губернатором, главным приставом кочующих народов, главным управлением землеустройства и земледелия Ставропольской губернии и лесным ведомством, в деле укрепления песков и лесоразведения в аридной зоне Ачикулакского приставства Ставропольской губернии в конце XIX–начале XX вв.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование выполнено с опорой на следующие исторические методы: сравнительно-исторический анализ, идеографический метод, ретроспективный метод, метод исторического синтеза.

Источниковую базу исследования составили материалы из Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) (фонд 153 «Лесовод Ставропольского песчанно-овражного округа»), впервые вводимые в научный оборот, в частности:

- дело 25 «Об укреплении песков, лесоразведении на ставке и о нарушениях лесного устава»;
- дело 26 «Об укреплении песков, лесоразведении на ставке и о нарушениях лесного устава»;
- дело 27 «Об укреплении песков, лесоразведении на ставке и о нарушениях лесного устава»;
- дело 33 «Материалы об укреплении песков, лесоразведении на ставке и о нарушениях лесного устава».

В процессе анализа особенностей административного опыта местной власти автором рассматриваются указы и постановления ставропольского губернатора, главного пристава кочующих народов, лесного департамента и ставропольских землемеров по созданию системы борьбы с опустыниванием в Ачикулакском приставстве, организации лесной стражи, комплектованию фонда древесных культур в аридной зоне, акцентируется стремление региональных властей в «успокоении»

песков. Анализируются природные условия аридных и пустынных зон Ачикулакского приставства, причины, вызывавшие стремительный рост территории песчаных оврагов, и их последствия, сказавшиеся на жизни кочевых обществ, в том числе, влияние антропогенных факторов на процесс опустынивания. Показаны пути формирования и совершенствования системы организации и методов природопользования со стороны региональных органов административной власти Ставропольской губернии в рассматриваемый исторический период.

О Б С У Ж Д Е Н И Е

Освещение административного опыта формирования и совершенствования государственно-правового института в лесоразведении и борьбе с опустыниванием в Российской империи нашло свое отражение в отечественной историографии (Агапонов, Бойко, 2010; Тяпкин, 2017; Черных, 2021). Проблема опустынивания и борьбы с песками в южных регионах Российского государства также представлена в исторической литературе XX столетия, в том числе, в научных работах, направленных на реализацию современных методов борьбы с опустыниванием (Спасский, 1907; Танашев, 1912; Орловский и др., 1981; Черняховский, 2002; Дорошенко 2022), однако особенности проведения имперской политики в данном направлении на землях кочевых народов юга России в основном прослеживаются на примере территории Астраханской губернии и проживавших там калмыков (Аверьянов, 1913; Лиджиева, 2017). И практически отсутствуют исследовательские работы по освещению административного опыта борьбы с наступающими песками на землях кочевых ногайцев в рассматриваемый исторический период.

Важная роль в освещении исследовательской проблемы принадлежит научно-исследовательскому коллективу, реализующему грант Российского научного фонда «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX–середина XX вв.)». Данным коллективом исследователей разрабатываются важные проблемы хозяйственно-экономической деятельности номадов в аридных зонах юга России (Бадмаева, 2022; Бадмаева, Эрднеева, 2022; Кидирниязов, 2022a; Кидирниязов 2022b; Лиджиева, 2017; 2022; 2023; Батыров, 2022; 2023; Шургучиева, 2022; Шургучиева Лиджиева, 2023; Виноградов, Эрднеева, 2022; Кольцов, Шургучинов, 2023; Джумагулова, 2022; Джумагулова, 2023a; 2023b).

Р Е З У Л Ь Т А Т Ы

Земли кочевых инородцев-магометан, в частности, ногайцев и туркмен, составляли значительную часть Ставропольской губернии. Лежащая в ее юго-восточной части Ачикулакская степь, на которой проживали кочевые и переходящие к оседлости ногайцы, по данным Ставропольского губернского комитета, на севере и юге была покрыта громадными массивами сыпучего песка. Северные пески начинались в Терской области (Караногайском приставстве) и назывались Бажиганскими песками. Они располагались широкой полосой, от 5 до 20 верст, со многими отрогами пересекая с востока на запад почти все Ачикулакское приставство, не достигая всего 7 верст ставки приставства Ачикулак. Южные пески назывались Бакылзанскими,

они также выходили из пределов Терской области, Караногайской степи, а затем в виде громадного клина в 20 верст длиной и 10 верст шириной врезались в Ачикулакские степи. Северная граница этих песков достигала аула Бий-Тюбе, а западная граница прилегала к дороге, соединяющей ставку Ачикулак и прикумские села с городом Моздоком Терской области. По данным съемки, произведенной губернской землеустроительной комиссией в дооктябрьский период, площадь сыпучих песков была исчислена в 49 939 десятин. По отношению ко всей территории Ачикулакского приставства, равной 318 979 десятин, пески указанных анклавов в совокупности составляли 16%. В отдельности же Бажиганские пески занимали площадь в 32 422 десятины, а Базылзанские — в 17 517 десятин.

Причиной образования и широкого распространения сыпучих песков в Ачикулакской степи, по данным губернской землеустроительной комиссии, стала «безхозяйственная деятельность местных кочевников, выразившаяся в беспощадном уничтожении кустарной растительности на песках и в неумеренной пастьбе скота на слабых песчаных почвах...» (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6).

По рассказам старожилов-ногайцев, древесной растительностью, в частности, кустами гребенчуков, были покрыты громадные пространства Ачикулакской степи. В этих зарослях пасущийся скот местных жителей находил себе «приют в зимнее время и прохладу в летнюю жару» (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.). Из года в год ногайцы-кочевники, по причине особенностей их традиционной хозяйственной деятельности — кочевого скотоводства — вынуждены были располагаться и перегонять скот по границам песков. Использование гребенчуковых зарослей в качестве хвороста и дров, систематический выпас на данной территории крупного и мелкого рогатого скота, съедавшего и вытаптывавшего молодые побеги растений, приводили к постепенному уменьшению гребенчуковой растительности в степи. Кочевой скот, сбивая травянистый покров, постепенно обнажал песчаные отложения располагавшегося здесь в древности Каспийского моря. Происходивший постепенный процесс опустынивания имел фатальное последствие для Ногайской степи. В результате выветривания пески стали быстро распространяться на хозяйственных землях ногайцев, вследствие чего затруднилось и без того непростое положение кочевых и полукочевых обществ, и уже вскоре кочевники-магометане столкнулись с настоящей проблемой песчаного бедствия (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.).

Скорость продвижения песков по ногайской территории была быстрой, о чем можно судить по следующим сведениям: Бажиганские пески, которые к 1915-м гг. лежали от ставки Ачикулак в семи верстах, в 1880-е годы находились от нее в 20 верстах. Подобное явление наблюдалось и в отношении Базылзанских песков. Песчаные овраги в последней четверти XIX в. находились в 8-ми верстах от Моздокской дороги, однако уже через 40 лет дорога была пересыпана ими и отнесена на запад на полторы версты (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.).

Бажиганские и Базылзанские пески различались по своему составу и свойствам. Бажиганские пески были мелкозернисты и содержали частицы, которые в жаркую ведренную погоду поднимались над поверхностью земли и образовывали сухой туман, совершенно закрывающий горизонт. Бажиганские пески отличались чрезвычайной подвижностью и трудно поддавались естественному задержанию и представляли собою голую пустыню, лишенную какой-либо растительности

(ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.). Они получили название «летучие пески» (Спасский, 1907: 4). Их внешний вид представлял собой ряд кучугуров (барханов) и холмов, положение, величина и форма которых под действием ветров изменялись (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.). Бакылзанские пески были более крупнозернистыми и содержали в себе меньше пылевых частиц. Они также попадали в разряд сыпучих песков (Спасский, 1907: 4). Бакылзанские пески также были лишены всякой растительности и отличались чрезвычайной бугристостью и подвижностью (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.). Губернскими землемерами местами среди описанных песков были зафиксированы поляны, доходившие до одной тысячи десятины, покрытые богатой травянистой растительностью или зарослями гребенчука и лозы. Подобные поляны назывались ногайцами «оралы» и служили пастбищами для скота либо использовались в качестве сенокосных земель (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 7; Шургучиева, Лиджиева, 2023: 158–159).

Климат Ачикулакских степей отличался малым количеством выпадающих атмосферных осадков, в среднем 300 миллиграмм в год, и выпадали они по территории крайне неравномерно. Сухость воздуха, бесснежные зимы и господствующие восточные ветры способствовали особо интенсивному раздуванию песков, являлись неблагоприятными факторами для проведения мелиоративных работ на песках. Осадки, выпадавшие в виде сильных ливней, разражающихся после продолжительных периодов засух с жаркими восточными ветрами, губельно действовали на растительность и ведение культур (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 7-7об.).

Начало борьбы с песками в инородческих степях было положено правительством в 1895–1898 гг., когда в семи верстах от ставки Ачикулак Ставропольским лесничеством были заложены казенная шелюговая и осокоревая плантации на площади в 90 десятин с целью «снабжать всех желающих материалом для успокоения песков» (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 7об.). Однако в последующие годы никаких особых работ по закреплению песков здесь не производилось, и только с 1904 г. стали приниматься некоторые специальные меры по укреплению песков под руководством командированных лесным департаментом чиновников песчано-овражной партии. С 1904 по 1908 гг. было засажено к имевшимся 90 десятинам растительности еще 1 532,07 десятин шелюги. При этом с 1904 г. шелюгование производилось не сплошь, а полосами, т. к. междуполосные пространства также защищали почвы от выдувания. Таким образом, общая площадь укрепленных песков становилась значительно больше, составив 2 849,92 десятины. Укрепление песков производилось путем посадки шелюги, осокоря и разных других лиственных пород: белой акации, дуба и т.д. Посадки последних пород имели опытный характер для выработки соответствующих условиям местности типов насаждений (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 7об.).

Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия климата Ачикулакских степей в этой местности удалось создать довольно обширную площадь лесных насаждений, составлявших защиту от дальнейшего распространения песков. Однако масштабы распространения песчаных оврагов в степи продолжали угрожать традиционной хозяйственной деятельности номадов. Летучие и сыпучие пески, занимая практически пятую часть всей территории Ачикулакских степей, с каждым годом

расширялись во все стороны, тем самым уменьшая площади под посадки сельскохозяйственных культур, и при неуклонном движении на запад угрожали захватить и земли крестьян ближайших русских поселений, расположенных по реке Куме: Владимировки, Правокумского и др. Процент ежегодного увеличения площади Ачикулакских песков исчислялся в 2%, т. е. каждый год под песками погибало около 1000 десятин культурной земли. Иностранческие землемеры, оценивая стоимость этой земли примерно по 10 рублей за десятину, посчитали, что ежегодно опустынивание в Ачикулакском приставстве приносило населению убыток в 100 000 рублей, не говоря уже об их вредном влиянии на здоровье местных жителей (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 8).

В 1911 г., в виду возрастающей опасности быстрого распространения песков на территории иностранных земель, возник вопрос о постановке производящихся здесь пескоукрепительных работ в более широких масштабах, соразмерно росту песков. Кочевые туркменские общества, населявшие пограничные с Ачикулакским приставством земли, содержали производимые здесь работы за счет средств, отпускаемых из туркменского общественного капитала (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 27. Л. 12).

Однако туркмены, не будучи прямо заинтересованными в пескоукрепительных мероприятиях, производимых не на их территории, а на землях ногайцев, не только не увеличили количество ассигнований на расширение работ, но приговором схода уполномоченных от туркменских обществ в октябре 1912 г. заявили об освобождении их от этих расходов (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 27. Л. 12).

Интенсивное увеличение площади песков и отсутствие у населения средств для постановки пескоукрепительных работ в надлежащих масштабах в соответствии с ростом песков побудили иностранческую администрацию в 1913 г. ходатайствовать перед губернатором и главным управлением землеустройства и земледелия об организации расходов по борьбе с песками в Ачикулакских степях на государственные средства (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 8). Данное ходатайство было частично удовлетворено, так с 9 июня 1913 г. из главных массивов сыпучих песков на территории Ачикулакского приставства были выделены особые закрепляемые участки, передаваемые под ведение лесного департамента. В частности, выделялись примыкающие к южной границе Ачикулакского приставства Бакылзанские пески, площадью около 17 500 десятин, и идущие от востока к западу Бажиганские пески, площадью до 32 500 десятин. Исключение составили сенокосные и пастбищные угодья, находящиеся в постоянном пользовании местного ногайского населения, а также выделялись специальные прогоны для скота. Пескоукрепительные работы на отведенных участках должны были производиться за счет средств лесного ведомства. Доходы от использования произведенных на средства казны лесных культур должны были обращаться в государственную казну до полного закультивирования и расчета полной суммы выручки и произведенных за счет государства расходов. При этом в состав закрепленных за лесным департаментом песков поступали участки, эксплуатируемые в пользу иностранческого капитала, за счет которого содержались и кустарные заросли. Доходы от этих участков направлялись на содержание стражи (1500 десятин). С этих же площадей должен был отпускаться в течение первого десятилетия весь необходимый для культурных работ посадочный материал (шелноговый и осокоревый хворост) (ГАСК. Ф. 153 Оп. 1. Д. 33. Л. 42). Также к государственному финансированию были отнесены расходы по содержанию виноградников на этих землях,

доход от которых ранее поступал в туркменский общественный капитал, за счет которого они были образованы. Выдел закрепленных участков был фактически выполнен в 1913–1915 гг. особой комиссией под председательством агронома Златина (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д.33. Л. 42 об.).

Так, по итогам 1914 г. были произведены следующие работы:

- 1) посадка шелуги площадью 608,05 десятин (устилочным способом);
- 2) посадка сеянцев твердых пород площадью 25 десятин;
- 3) исправление посадок твердых пород 1913 г. на площади 14,50 десятин;
- 4) рубка шелуги с целью ухода на площади 179 десятин.

Работы были произведены на площади 826,55 десятин. На пескоукрепительные работы было израсходовано из государственных средств по смете лесного департамента:

- на выдачу штатного и командировочного содержания служащим песчано-овражной партии 7 767 рублей 84 копеек;
- на выдачу вознаграждений чинам партии за составление статей 62 рубля 50 копеек;
- на содержание садовника и лесной стражи 680 рублей;
- на операционные расходы 19 788 рублей 85 копеек.

Всего из государственных средств было израсходовано 28 299 рублей 19 копеек; из туркменского общественного капитала на содержание инородческой лесной стражи — 900 рублей; из ачикулакского общественного капитала на содержание виноградника, фруктового сада и парков при Ставке — 444 рубля 24 копейки (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 26. Л. 27.).

Произведенные работы по укреплению песков и их результаты, по мнению губернских властей, были вполне удовлетворительными. Разводимая в песках древесная растительность окончательно скрепляла подвижную песчаную поверхность, образуя надежную защиту от дальнейшего надвигания песков на степь. Ввиду опасности, которые представляли сыпучие пески Ачикулакского приставства не только для инородческих земель, хозяйств, но и для крестьянских наделов смежных русских сел, а также для успешного ведения дальнейших работ, главный лесничий обратился к главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии о передаче в полное распоряжение лесного ведомства, помимо сыпучих песков, всех насаждений, образованных на песках за счет инородческих средств, т. к. лесной департамент, ежегодно организовывая содержание этих участков за счет государственной казны, не мог претендовать на доходы от продажи вырубленного материала, направлявшегося в инородческий капитал (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 42 об.–43).

В ответ на ходатайство главного пристава министерство земледелия отзывом от 27 августа 1916 г. сообщало ставропольскому губернатору: «Всецело разделяя соображения Вашего Сиятельства о целесообразности сосредоточения дела заведывания лесными насаждениями исключительно в руках казны, Департамент, тем не менее, полагает, что осуществление проектируемого Вами мероприятия представлялось бы более соответственным интересам дела отложить до завершения начатого ныне устройства кочевников Ачикулакского приставства с разграничением в пределах последнего земель инородцев и единственного владения казны» (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 43–43об.).

29 апреля 1916 г. главноуправляющий землеустройства и земледелия утвердил доклад лесного департамента от 9 июня 1913 г. № 3668 «Об образовании из главных массивов песков Ачикулакского приставства особого закрепляемого участка» в соответствии с предложением ставропольского губернатора от 13 сентября 1913 г. № 6674 на имя чиновника особых поручений VI класса статского советника Златина. Рассмотрев планы на отмежевание песчаных площадей, составленных инородческим землемером Гусевым и землемерами Ставропольской губернской землеустроительной комиссии Тер-Хачатурянцем и Мартиросовым, земельная комиссия под председательством главноуправляющего землеустройством и земледелием и комиссия в составе заведующего ставропольским песчано-овражным округом Ачикулакского приставства, ачикулакского пристава и инородческого землемера постановили передать из состава земель Ачикулакского приставства в полное распоряжение лесного ведомства Бажиганские пески со всеми находящимися на них зарослями разных древесных пород площадью в 21 185, 27 десятин, за исключением оставленных комиссией в пользовании ногайского населения двух оралов (сенокосных и выпасных полей), находящихся среди песков, а именно, Юсуп-орал, площадью в 99,75 десятин, и Кувамбай-орал, площадью в 400,88 десятин, с оставлением прогонов к этим оралам шириною в 50 сажень. В ведение лесного департамента передавались и Бакылзанские пески, площадью в 16 480,86 десятин. В ведении ногайского населения комиссией оставлялись оралы Бессарабской поляны площадью в 334,56 десятин, Клышевской — площадью в 288 десятин, Сускуи — площадью в 123,84 десятин с оставлением прогонов в 30 сажень. В распоряжение лесного ведомства поступали все постройки, находящиеся в черте указанных песчаных площадей, возведенных на инородческие средства, а также лесная дача площадью в 538,5 десятин (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 25. Л. 38-38 об.).

После Февральской революции в 1917 году изменения в государственном устройстве России затронули и лесное ведомство, которое оказалось оторванным от политических проблем (Тяпкин, 2017: 75-76; Черных, 2021: 42-45). Работы по земельному устройству ногайцев, в том числе и вопросы выделения песчаных массивов из состава Ачикулакского приставства и передачи их в ведение лесного департамента, остались не санкционированными органами высшей государственной власти (ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 33. Л. 43об.). Проведенная властями национализация земель и лесов повлекла за собой коренной пересмотр системы лесоуправления, лесного законодательства и других элементов лесохозяйственного механизма. Потребовались новые методологические подходы к формированию и реализации государственной лесной политики и борьбы с опустыниванием в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышесказанное, отметим, что анализ особенностей административного опыта борьбы с опустыниванием в Бажиганских и Бакылзанских песчаных массивах Ачикулакского приставства Ставропольской губернии в конце XIX–начале XX вв. выявил, что причинами, вызывавшими стремительный рост песков, являлись особенности природно-географических условий Ачикулакских степей (бывших отложений Каспийского моря) и нерациональное использование ногайцами аридных

зон в качестве пастбищных земель для крупного и мелкого скота. Начало борьбы с песками в ногайских степях было положено правительством в 1895–1898 гг., когда недалеко от ставки Ачикулак ставропольским лесничеством была заложена казенная шелюговая и осоковая плантация. Финансовое обеспечение борьбы с летучими и сыпучими песками осуществлялось за счет инородческого капитала туркменских кочевых обществ, проживавших по соседству с ачикулакскими ногайцами и опасавшихся, что опустынивание затронет и их земли. Эта была своего рода превентивная попытка сдерживания процесса наступления песков. Примечательно, что кочевые и переходящие к оседлости ногайцы долгое время были индифферентны к процессу борьбы с песками, вследствие чего выделение средств из ногайского общественного капитала началось после отказа туркмен содержать дорогостоящие работы. Однако интенсивное распространение песков, угроза в связи с этим хозяйственно-экономической жизни и здоровью номадов, соседних с ними крестьян, требовали государственного надзора, финансового и материального укрепления лесного ведомства в степи. Положительным моментом в борьбе с наступлением песков в местах проживания туркменского и ногайского населения можно считать выведение из состава Ачикулакского приставства около 50 000 десятин песчаных массивов и передачу их в ведомство лесного департамента с целью государственного надзора. Однако политические события 1917 г. помешали утверждению и реализации новых планов центральных органов власти по борьбе с опустыниванием земель. Изменения государственного устройства страны повлекли за собой трансформацию системы управления лесным хозяйством в советском государстве и, соответственно, модификацию политики в области борьбы с наступлением песков в засушливых регионах юга России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX–середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

ACKNOWLEDGMENTS

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX — mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

Аверьянов, Ф.А. (1913). Пески Астраханской губернии, причины их образования и борьба с ними. *Сборник статей по песчано-овражным работам*. Вып. 1. СПб.: Типо-лит «Якорь».

Агапонов, Н.Н., Бойко, Г.Е. (2010). Опыт лесомелиоративных работ «Песчано-овражных партий» в южных районах царской России и его преемственность для Украины. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия*. 4 (62). 3–12.

Бадмаева, Е.Н. (2022). Деятельность Краевой Астраханской пескоукрепительной организации на территории Калмыкии в 1920-е гг. *Вестник Калмыцкого университета*. 3(55). 6–13.

- Бадмаева, Е.Н., Эрднеева, Б.А. (2022). Природно-климатические условия территории и земледеле в Калмыкии (1917-1925). *Genesis: исторические исследования*. 9. 111–122.
- Батыров, В.В. (2023). Адаптационные стратегии калмыков во второй половине XIX в.: процессы перехода к полuosедлому хозяйству. *Nomadic civilization: historical research*. 3(4). 57–70.
- Батыров, В.В. (2022). Упадок калмыцкого верблюдоводства в контексте административных и природно-климатических факторов в XIX в. *Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 4 (28). 109–113.
- Виноградов, С.В., Эрднеева, Б.А. (2023). Роль мелиорации в социально-экономическом развитии кочевых народов Юга России (середина 1920-х — 1930-е гг.). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 112–121.
- Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК).
- Джумагулова, А.Т. (2022). Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX–начале XX веков. *Научный диалог*. 7 (11). 377–397.
- Джумагулова, А.Т. (2023а). Советский проект в Ногайской степи в 1930–1940-е гг.: от коллективизации к мелиорации. *Кавказология*. 3. 133–152.
- Джумагулова, А.Т. (2023б) Экстремальные условия территории и мелиоративное строительство в Ногайской степи в 1920–1940-е гг. *Российская государственность в судьбах народов Кавказа — XIII*. Материалы региональной научно-практической конференции (Пятигорск, 24 ноября 2023 г.). Пятигорск: ПГУ. 101–121.
- Дорошенко, В.В. (2022). Об опустынивании на Юге России. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 10-1 (73). 114–117.
- Кидирниязов, Д.С. (2022а). Детерминированность домашних промыслов и ремесел ногайцев конца XVIII–начала XX вв. от природно-климатических факторов. *Вестник Академии наук Чеченской республики*. 3 (58). 65–71.
- Кидирниязов, Д.С. (2022б). Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX–начале XX веков. *Научный диалог*. 11 (7). 398–416.
- Кольцов, П.М., Шургучинов, Р.С. (2023). Установление границ кочевых территорий Ставропольских туркмен в начале XIX в. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2 (75). 26–31.
- Лиджиева, И.В. (2017). Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX–начале XX в. *Вестник Томского государственного университета. История*. 46. 22–27.
- Лиджиева, И.В. (2023). Система природопользования в решениях общественных сходов кочевых инородцев. *История государства и права*. 8. 68–74.
- Лиджиева, И.В. (2022). Традиции и наука в системе хозяйствования на аридных землях (на примере Калмыцкой степи). *Вестник Калмыцкого университета*. 4 (56). 38–44.
- Орловский, Н. С., Николаев, В. Н., Зонн, И. С., Свинцов, И. П. (1981). *Опыт борьбы с опустыниванием в СССР*. Москва: Наука.
- Спасский, В.Н. (1907). *Летучие пески их укрепление облесением*. Москва: К.И. Тихомиров.
- Танашев, Н.А. (1912). *О борьбе с песками и оврагами*. Херсон: издательство инспектора сельского хозяйства в Херсонской губернии.
- Тяпкин, М.О. (2017). Содержание и генезис государственной лесной политики России. *Вестник Томского государственного университета. История*. 46. 72–80.
- Черных, В.В. (2021). Лесной департамент как государственно-правовой институт Российской империи: становление и развитие. *Сибирский юридический вестник*. 4 (95). 41–46.
- Черняховский, Д.А. (2002). Опустынивание и экологические проблемы пастбищного животноводства в степных регионах юга России. *Степной бюллетень*. 11. 14–19.

Шургучиева, Ю.С. (2022). Организация работ по борьбе с песками в Калмыцкой степи. *Наука и молодежь: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова». 351–356.

Шургучиева, Ю.С., Лиджиева, И.В. (2023). Пескоукрепительные работы в Астраханской и Ставропольской губерниях в XIX–начале XX в. *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «История и культура народов Юга России»* (Грозный, 30 марта 2023 г.). Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова». 157–160.

References

Agaponov, N.N., Boiko, G.E. (2010). Experience of forest reclamation works of “Sand and ravine parties” in the southern regions of tsarist Russia and its continuity for Ukraine. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Biology. Chemistry*. 4 (62). 3–12 (in Russian).

Aver'yanov, F.A. (1913). Sands of Astrakhan province, reasons for their formation and their control. *Collection of articles on sand and pothole works*. Issue 1. Saint Petersburg. Anchor Printing House (in Russian).

Badmaeva, E.N. (2022). Activity of the Regional Astrakhan sand protection organization in the territory of Kalmykia in the 1920s. *Bulletin of the Kalmyk University*. 3 (55). 6–13 (in Russian).

Badmaeva, E.N., Erdneeva, B.A. (2022). Natural and climatic conditions of the territory and farming in Kalmykia (1917–1925). *Genesis: historical research*. 9. 111–122 (in Russian).

Batyrov, V.V. (2022). The decline of Kalmyk camel breeding in the context of administrative and natural-climatic factors in the XIXth century. *Proceedings of the A.A. Kadyrov Chechen State University*. 4 (28). 109–113 (in Russian).

Batyrov, V.V. (2023). Adaptation strategies of the Kalmyks in the second half of the 19th century: processes of transition to semi-sedentary economy. *Nomadic civilization: historical research*. 3(4). 57–70 (in Russian).

Chernyakhovskii, D.A. (2002). Desertification and ecological problems of pasture animal husbandry in steppe regions of southern Russia. *Steppe Bulletin*. 11. 14–19 (in Russian).

Chernykh, V.V. (2021). Forest Department as a state-legal institution of the Russian Empire: formation and development. *Siberian Legal Bulletin*. 4 (95). 41–46 (in Russian).

Doroshenko, V.V. (2022). On desertification in the south of Russia. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 10-1 (73). 114–117 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. (2022). Features of the state of economy of the Nogai societies of the North Caucasus in the XIX–early XX centuries. *Scientific dialog*. 7 (11). 377–397.

Dzhumagulova, A.T. (2023a). The Soviet project in the Nogai Steppe in the 1930s-1940s: from collectivization to reclamation. *Caucasology*. 3. 133–152 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. (2023b) Extreme conditions of the territory and land reclamation construction in the Nogai steppe in 1920-1940s. *Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus — XIII*. Materials of the regional scientific-practical conference. Pyatigorsk, November 24, 2023. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University Publishing House. 101–121 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia (dalee GASK) (in Russian).

Kidirmiyazov, D.S. (2022a). Determinism of Nogai domestic trades and crafts of the late 18th — early 20th centuries from natural and climatic factors. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 3 (58). 65–71 (in Russian).

Kidirniyazov, D.S. (2022b). Land-legal relations and sedentarization of Nogais in the second half of XIX–early XX centuries. *Scientific dialog*. 11(7). 398–416 (in Russian).

Kol'tsov, P.M., Shurguchinov, R.S. (2023). Establishment of borders of nomadic territories of Stavropol Turkmens in the early XIX century. *Caspian region: politics, economy, culture*. 2 (75). 26–31 (in Russian).

Lidzhieva, I.V. (2017). Economy and nature management in the activities of local self-government bodies of the Kalmyk steppe in the XIX–early XX century. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 46. 22–27 (in Russian).

Lidzhieva, I.V. (2022). Traditions and science in the system of management on arid lands (on the example of Kalmyk steppe). *Bulletin of Kalmyk University*. 4 (56). 38–44 (in Russian).

Lidzhieva, I.V. (2023). The system of nature management in the decisions of public gatherings of nomadic aliens. *History of State and Law*. 68–74 (in Russian).

Orlovskii, N. S., Nikolaev, V. N., Zonn, I. S., Svintsov, I. P. (1981). *Experience in combating desertification in the USSR*. Moscow: Nauka (in Russian).

Shurguchieva, Yu.S. (2022). Organization of works on sand control in the Kalmyk steppe. *Science and Youth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists*. Grozny: publishing house of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 351–356. (in Russian).

Shurguchieva, Yu.S., Lidzhieva, I.V. (2023). Sand protection works in the Astrakhan and Stavropol provinces in the XIXth–early XXth centuries. *Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «History and Culture of the Peoples of the South of Russia»*. Grozny, March 30, 2023. Grozny: Publishing house of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State University named after A.A. Kadyrov». 2023. 157–160 (in Russian).

Spasskii, V.N. (1907). Fugitive sands their strengthening by afforestation: Publisher K.I. Tikhomirov (in Russian).

Tanashev, N.A. (1912). *On the fight against sands and ravines*. Kherson: publishing house of the inspector of agriculture in Kherson province (in Russian).

Tyapkin, M.O. (2017). Content and genesis of the state forest policy of Russia. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 46. 72–80 (in Russian).

Vinogradov, S.V. Erdneeva, B.A. (2023). The role of land reclamation in the socio-economic development of nomadic peoples of the South of Russia (mid-1920s–1930s). *Caspian region: politics, economy, culture*. 2 (75). 112–121 (in Russian).